

**Хаданёнок Оксана Александровна,  
Буювич Татьяна Владимировна**

*Государственный архив Витебской области (Витебск, Беларусь)*

### **ТОЧКА НЕВОЗВРАТА: ЗАВЕРШЕНИЕ ПРОЦЕССА «РЕВОЛЮЦИОННОЙ» КОНФИСКАЦИИ ЧАСТНОГО ЖИЛЬЯ И ЛИЧНОГО ИМУЩЕСТВА ЖИТЕЛЕЙ ВИТЕБСКА В СОБСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА (1918—1923 ГГ.)**

Начатый в январе 1918 году процесс национализации частных жилых зданий в г. Витебске, был остановлен постановлением исполнительного комитета Витебского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Витебский горисполком) от 24.04.1918 [12, с. 161, 139, 165, 187]. В то же время общегосударственная политика, по-прежнему, предусматривала отмену права частной собственности на недвижимость в городах с населением свыше 10000 чел. посредством национализации жилой площади с ее последующей муниципализацией. Иными словами, постановление горисполкома от 24.04.1918 не остановило проведение национализации зданий в Витебске, а лишь привел к тому, что экспроприация жилья перестала согласовываться органами государственной власти и управления.

Такой вывод подтверждается архивными документами, свидетельствующими, что именно на 1918 год пришелся в Витебске пик отъема жилого фонда у частных лиц и что государственные учреждения и (или) любой ответственный работник могли выдать разрешение или занять любое помещение для размещения в нем учреждения или отдельных граждан без согласования с местными органами власти. Ситуация с нарушениями при проведении национализации жилья усугублялась постоянными реорганизациями отдела коммунального хозяйства Витебского горисполкома (горкомхоза) и нехваткой кадров, способных контролировать данный процесс. Например, в квартирном отделе горкомхоза в 1919 году за работу с муниципализированным фондом отвечал всего лишь один человек [1, л.41—42].

Национализация жилья часто сопровождалась конфискацией имущества (мебели и утвари) бывших собственников жилья. В дальнейшем конфискованное имущество, либо оставалось в здании и использовалось новыми жильцами; либо вывозилось и передавалось во временное пользование сторонним лицам или организациям. С этой целью была создана, например, комиссия по реквизиции и конфискации мебели (точная дата создания не установлена), которая действовала до 10.07.1921 [3, л. 331, 359 об]. Архивные документы ликвидационного периода этой комиссии свидетельствуют, что необходимых инструкций о порядке ее работы не издавалось, как на местном уровне, так и на республиканском. Комиссия работала, как считала нужным.

Архивные источники позволяют сделать вывод, что такая ситуация была характерная не только для Витебска, а для государства в целом, хотя 16 апреля 1920 года с выходом Декрета СНК РСФСР «О реквизициях и конфискациях» государство предприняло попытку упорядочить данный процесс. Декретом было строго установлено, какие органы наделены полномочиями и каков порядок проведения реквизицией и конфискацией. Тем не менее его реализация затянулась и на местах продолжали действовать, без учета основ-

ных требований Декрета. В связи с чем появилось циркулярное разъяснение Народного комиссариата юстиции РСФСР от 25.11.1921 № 65 с разъяснением порядка реализации Декрета. В циркуляре указывалось, что до 16.04.1920 не существовало «определенных и точных законодательных определений», что является реквизицией и конфискацией, поэтому принудительное отчуждение (исключая национализацию промышленных и торговых предприятий) происходило стихийно и беспорядочно. В то же время в циркуляре давалось указание, что все реквизиции и конфискации, происходившие до 15.04.1920, не пересматривались и имущество не возвращалось. Но проведенные после 15 апреля рассматривались как должностные преступления, имущество возвращалось владельцу с выплатой компенсации [7, л. 1].

Вероятно, именно появление Декрета от 16.04.1920 явилось основной причиной ликвидации витебской комиссии по реквизиции и конфискации мебели. Ликвидация сопровождалась многочисленными проверками. В результате представители губернского отделения рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), проводившие 05—06.10.1921 ликвидационную ревизию комиссии, указали, что выдача вещей производилась хаотично, либо по решению самой комиссии, либо — исполнительного комитета Витебского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (губисполком) или его председателя [6, л. 456 об]. Еще ранее созданная 24.06.1921 комиссия по ликвидации комиссии по реквизиции и конфискации мебели [3, л. 331 об] на своём итоговом заседании, проходившем 09.07.1921, констатировала, что установить, сколько было конфисковано и реквизировано имущества и кому оно было выдано, не представляется возможным, т. к. ведение необходимых учетно-финансовых документов не осуществлялось, и даже сургучная печать комиссии была утеряна [3, л. 359].

Необходимо отметить, что витебские власти все же в 1919—1921 гг. пытались взять под контроль реквизиции и конфискации имущества, национализацию личного жилья и решать вопрос об управлении им. Например, отдел управления Витебского губисполкома 01.12.1918 издал приказ № 44 и установил запрет на проведение «самочинных» реквизиций и конфискаций зданий [8, л. 4]. Но приказ не достиг своей цели. Об этом говорит тот факт, что 19.04.1921 квартирное отделение горкомхоза обратилось в губисполком с просьбой запретить бесконтрольную конфискацию жилья и вселение в жилые помещения кого бы то ни было без согласования с органами власти [1, л. 170]. В 1919 году городские власти попытались взять под контроль и взыскание с жильцов квартплаты. В «Журнале заседания отдела городского хозяйства» имеется постановление от 10.01.1919, пункт 8 которого вменил в обязанности заведующему конфискованными домами и бухгалтеру квартирного отдела организовать сбор арендной (квартирной) платы [10, л. 68]. Создавались домовые комитеты, назначались управляющие муниципализированными домами, через которых пытались собирать квартплату. Но и в данном направлении, вплоть до 1923 года, работу полностью наладить не удалось.

Как особенность национализации жилья в Витебске в 1918—1921 гг. можно отметить тот факт, что часто фактически национализированные здания продолжали юридически оставаться личной собственностью граждан, и плату за их аренду, в том числе и государственные учреждения, перечисляли бывшим владельцам. Например, обнаружена информация, что здание, занятое

отделом юстиции Витебского губисполкома по адресу: улица Володарского, д. 48, — еще в 1921 году являлось частной собственностью, и арендную плату за размещение в нем отдел перечислял бывшей домохозяйке Поповой, а не горкомхозу [9, л. 50].

Следует подчеркнуть, что в 1922—1923 гг., оправдываясь перед Главным управлением коммунального хозяйства (Главупкомхоз) Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) РСФСР о причинах нарушений при проведении в Витебске национализации зданий, государственные органы не ссылались на постановление горисполкома от 24.04.1918 об отмене национализации. Логично предположить, что к этому времени, в связи со сменой всего руководящего состава губисполкома и горисполкома, с одной стороны, и, с другой — в связи с плохой сохранностью документов горисполкома за 1918—1921 гг., о наличии этого постановления никто попросту не помнил. Причиной назывались трудности военно-революционного времени, в частности, особое, прифронтовое положение губернии.

Так 18.04.1919 в Витебске было создано отделение по управлению городским имуществом при хозяйственном подотделе горкомхоза [10, л. 92]. В 1920 году была проведена очередная реорганизация горкомхоза и произведено полное укомплектование квартирного подотдела. В этом же году была предпринята очередная попытка реализовать в Витебске и губернии Декрет СНК РСФСР от 25.05.1920 «О мерах правильного распределения жилищ среди трудящегося населения» \*. Вероятно, в августе месяце появилось «Обязательное постановление», принятое совместно Витебским губернским военно-революционным комитетом (губревкомом), Витебским уездно-городским революционным комитетом (угорревкомом), губернским отделом здравоохранения и горкомхозом, которое установило порядок регистрации жилой площади и нормы ее распределения среди населения и учреждений [4, л. 34; 11, л. 351]. Этим же постановлением было установлено, что, начиная с 25.08.1920, в течение 24 часов учреждения обязаны были сообщить о наличии сверхнормативной площади («излишках») в занимаемых ими помещениях. Граждане же в течение месяца должны были добровольно подобрать себе жильцов на «излишнюю» площадь. В противном случае по решению городских властей в помещения с «излишками» жилой площади производилось принудительное подселение новых жильцов («уплотнение») [11, л. 351]. Документы свидетельствуют, что в случаях, когда владельцы зданий отказывались исполнять распоряжение об «уплотнении», к ним применялся арест [2, л. 46].

В мае 1922 года в республике был завершен процесс конфискации зданий и личного имущества граждан без соответствующего на то решения суда. Поставил окончательную точку в данном вопросе появившийся в мае 1922 года Декрет ВЦИК (принят на 3-й сессии IX созыва) «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР». Данный документ предоставлял всем гражданам право собственности на немунципализированные до мая 1922 года местными Советами строения в городских и сельских местностях с правом передачи по наследству. В ходе реализации Декрета НКВД и Народный комиссариат РКИ РСФСР приняли решение о том, то в течение 1922—1923 гг. допустимо согласовать с НКВД муниципализацию тех зданий, которая на практике была проведена, но не утверждена в соответствии с законодательством. При этом зда-

ния в 1918—1922 гг. должны были быть, или заселены гражданами, или заняты советскими учреждениями, или фактически контролироваться местным коммунальным отделом. От учреждений в подобных случаях требовалось непременно ходатайство и предоставление гарантий о заключении с горкомхозом договора о последующей аренде здания и его обслуживании [5, л. 48—49]. Еще одним условием, при котором могла быть оформлена ранее проведенная муниципализация, являлось такое положение вещей, при котором бывшие владельцы не могли исполнять обязанностей по содержанию здания в соответствии с декретом СНК РСФСР «Об управлении домами» от 08.08.1921. В последнем случае, дом муниципализировался как бесхозный [5, л. 49 об]. Все эти разъяснения были изложены в циркуляре Главного управления коммунального хозяйства (Главупкомхоз) НКВД РСФСР от 20 сентября 1922 года за № 237 и направлены на места для использования в работе местных органов власти и управления. В результате отдел коммунального хозяйства исполнительного комитета Витебского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (губкоммуноотдел), который с января 1921 года стал контролировать состояние жилого фонда Витебска, составил докладную записку в президиум губисполкома от 18.04.1922 о состоянии коммунальных домов, где указал, что губкоммуноотдел имеет в своем ведении по городу до 400 домов, из коих 252 официально муниципализованы, а остальные являются, по сути, бесхозными [5, л. 48]. В этом же году была создана комиссия Витебского губкоммуноотдела по рассмотрению материалов об оформлении муниципализации домов г. Витебска и Витебской губернии, которая окончательно завершила в городе процесс муниципализации: часть зданий официально перешла в собственность государства, а часть — возвращена в собственность граждан. После 1923 года к вопросу о принадлежности жилого фонда и личного имущества граждан власти города не возвращались. Все спорные ситуации стали решаться только через суд.

Иными словами, в истории проведения реквизиций (конфискаций) имущества и национализации жилого фонда Витебска можно выделить несколько этапов: январь 1918 г. — 1920 г. — этап проведения практически бесконтрольного отчуждения личной собственности граждан, в том числе и жилых строений, в пользу советских структур и определенных групп населения; 1921 г. — переходный этап, на протяжении которого местные органы власти прекращают деятельность по изъятию имущества граждан, но продолжают проводить «уплотнение» жилого фонда Витебска и пытаются упорядочить деятельность по национализации жилья; 1922—1923 гг. — этап установления полного контроля за национализированным жилым фондом Витебска и оформления права на владение зданиями города в соответствии с действующим законодательством.

#### Библиографический список

1. Государственный архив Витебской области (ГАВО). Ф. 56. Оп. 1. Д. 95.
2. ГАВО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 136. Т. 1.
3. ГАВО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 136. Т. 2.
4. ГАВО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 186.
5. ГАВО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 417.
6. ГАВО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 11.
7. ГАВО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 21.

8. ГАВО. Ф. 103. Оп.1. Д.526.
9. ГАВО. Ф. 103. Оп.1. Д.74.
10. ГАВО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 2.
11. ГАВО. Ф. 2268. Оп. 1. Д. 29.
12. ГАВО. Ф. 9742-п. Оп. 1. Д. 155.

**Хадасевич Анна Сергеевна**

*Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)*

## **К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ**

1917 год — это действительно год судьбоносный, как в позитивном, так и негативном отношении. Радикальные социально-политические преобразования после октябрьских событий 1917 года изменили и обострили не только политическую ситуацию в стране, но и конфессиональную. Начался длительный путь конфронтации государства и церкви.

В первые годы после прихода большевиков к власти их религиозная политика несколько раз меняла свое направление. Устойчивым оставалось желание покончить с Русской православной церковью, как главенствующей на тот момент религиозной организацией в стране. Для достижения этой цели большевики пытались, в числе прочего, использовать и другие религиозные конфессии. Однако в целом религиозная политика была направлена на искоренение религии, как несовместимой с марксистской идеологией. Свое мировоззрение, направленное на искоренение религии, социалисты сразу же стали претворять в действие. Уже в одном из первых советских декретов — в «Декрете о земле», принятом на второй день советской власти: были предусмотрены масштабные антицерковные мероприятия по ликвидации и национализации монастырских и церковных земель. Как известно, вскоре было конкретизировано отношение к церкви в следующем декрете и, таковым явился «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви» 23 января (5 февраля) 1918 года. Были приняты ряд специальных законодательных актов по национализации церковных и монастырских земель, о прекращении финансирования на содержание духовенства, храмов и религиозных церимоний. В январе 1918 года были ликвидированы государственные учреждения, занимавшиеся делами духовенства

Следует отметить, что принятые после революции законодательные акты имели двойственный характер. С одной стороны, ряд из них соответствовали модели светского европейского государства. Так, «Декларация прав народов России» предусматривала отмену всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений. Позднее эта норма была закреплена в первой советской Конституции 1918 года. С другой стороны, большевики с самого начала не скрывали своего враждебного отношения к религии вообще и к РПЦ, в частности. Так, в ст. 65 Конституции 1918 года, исходя из принципа разделение общества на «близкие» и «чуждые» классы, монахи и духовные служители церковных культов лишались избирательных прав.

Деятельность всех конфессий строго контролировалась со стороны государства. 8 мая 1918 года при Наркомате юстиции создали VIII-ой отдел во главе